

Бунт стрельцов

В городе Москве были расположены полки стрельцов, этой своего рода царской гвардии, избалованной своим привилегированным положением; как раз к этому времени у них накопилось много недовольства, в значительной мере основательного, на своих командиров; стрельцы жаловались, но не всегда с успехом, и, понятно, были недовольны. Среди них начиналось брожение, новое правительство Нарышкиных не справилось с ним, а несвоевременными уступками и потачками коноводам еще более разжигало страсти. Милославские умело использовали это брожение: со стрельцами начались тайные пересылки, их сознательно возбуждали, распустили слух, будто Нарышкины убили царевича Ивана и не хотят оказывать правосудия стрельцам. Иван Михайлович Милославский, самый деятельный и самый энергичный из этой фамилии, был душой заговора. Малоприятная перспектива очутиться, в случае окончательного перехода власти в руки Нарышкиных, где-нибудь в далекой ссылке служила достаточно сильным побуждением, чтобы не сидеть, сложа руки, к тому же на рискованный путь он выступал не один — рука об руку с ним шла молодая, полная энергии честолюбия, жизнерадостная, отважная и смелая Софья.

Стрелецкий бунт разыгрался менее чем через три недели по воцарении Петра. В злополучный день 15 мая 1682 г., стрельцы с оружием в руках ворвались в Кремль, перебили родственников царицы Натальи, отца ее заставили принять монашеский клобук и после трехдневной кровавой расправы с негодными людьми потребовали, чтобы, кроме Петра, царем стал также и Иван, а правительницей сестра их Софья. Петра не тронули, законности его избрания оспаривать не решились, но, оставив его на престоле, посадили подле него и старшего брата. Придворные историографы нашли в оправдание такого небывалого появления двух царей одновременно примеры если не в русской, то в византийской истории, — там же отыскивали примеры и женщин-правительниц. Так возникла небывалая на Руси форма двоевластия и наступило семилетнее правление царевны Софьи (1682–1689).

Царевна Софья

Из дочерей царя Алексея Михайловича царевна Софья была если не самая старшая (род. в 1657 г.), то самая умная, самая честолюбивая и более остальных сестер сильная и твердая духом, полная энергии, силы воли и, вдобавок, еще и широких полетов. Новые веяния, т. е. новые вкусы и интересы, новый взгляд на условия жизни, неуклонно проникавшие в русское общество, добрались и до царского терема, обитательницы которого обыкновенно жили взаперти, в стороне от текущей жизни. Церковь, где они молились, тщательно сокрытые от посторонних глаз; чтение житий святых и вообще книг поучительного содержания, вперемежку с описанием фантастических стран или необычайных приключений; вышиванье по узору; художественные работы по изготовлению таких предметов церковного обихода, как плащаницы, платы, воздухи пелены, — работы, где пускались в ход игла, шелк, золотая или серебряная нитка, бисер и жемчуг; благочестивые беседы с разного рода юродивыми, странниками и странницами, их рассказы о посещенных ими святых местах, о чудесах, виденных или слышанных; и,

вдобавок, незатейливые развлечения и забавы в кругу нянюшек и мамушек, шутов и шутих, карлов и карлиц — вот обычный круговорот жизни прежних царевен.

Теперь настала иная пора. В конце XVII в. царский терем, скрывавший в себе женскую половину царской семьи, был уже не тем, что раньше. Глухая стена, отделявшая его прежде от внешнего мира, если еще не рухнула, то дала сильную трещину, и через нее уже стали проникать туда новые веяния, доноситься новые голоса, манившие возможностью иного жизненного уклада, сулившие личную свободу, независимость действий и, вдобавок, еще и знание, заманчивое уже само по себе своей новизной, по тем горизонтам, что оно раскрывало пытливому, жадному уму.

Теперь сам Алексей Михайлович вывозил свою вторую молодую жену в карете с открытыми окнами, на удивление и соблазн москвичей; теперь царевна Софья брала вместе с братом Федором уроки у ученого монаха Симеона Полоцкого, что, в известной степени, равносильно было для того времени слушанию университетских лекций. Значение такого небывалого явления подчеркивалось еще и тем, что Симеон был не домашнего, московского происхождения, а выходец из Литвы, с оттенком латинопольского образования. Когда воцарился Федор, то Софья искала случая быть возможно чаще при больном брате; нередко она присутствовала в его кабинете во время докладов бояр о государственных делах.

Страстная любительница театра, в представлениях которого, по преданию, сама принимала активное участие, слагательница вирш — поэтесса по тогдашним понятиям, Софья ярко выделяется на фоне тогдашнего времени, оставляя далеко в тени своих сестер. Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, несколько позже Карион Истомин, передовые и образованнейшие люди той поры, составляют если не постоянный, то, во всяком случае, не заурядный круг близких ей лиц; и темы их беседований обычно вопросы из области культуры и образования. Еще не став правительницей, еще без власти, и потому еще не предмет искательства, она уже предмет восхвалений и стихотворных посланий, которые уже по одному этому не могут быть заподозрены в намеренном преувеличении. Молоденькой девушкой, 19–20 лет, она не может дожидаться появления в печати книги Симеона Полоцкого «Венец веры» и знакомится по черновой рукописи с этим первым опытом в московской литературе догматического изложения православной веры. Как и брат Федор, Софья говорит и читает по-польски, и можно с уверенностью сказать, что стихотворные произведения на польском языке Лазаря Барановича, поднесенные им в свое время царевичу Федору, не миновали и ее рук. Впоследствии даже политические враги ее не могли не отдать должного ее выдающимся дарованиям. «Великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная дева», — говорит о Софье в своих «Записках» Матвеев.

Избрание в цари не старшего единоутробного брата Ивана, а младшего Петра, от Нарышкиной, было для Софьи жестоким ударом. Другую натуру, менее сильную, он скопил бы совсем, а ей он придал, казалось, лишь новые силы. Царевна хорошо понимала, что значит — власть в руках ненавистной мачехи и ее родных: в лучшем случае, двери терема, только что приоткрывшиеся, снова захлопнутся. А что если и того хуже? Что если терем заменится монастырем? И для того ли она еще при жизни брата сживала в его рабочем кабинете, прислушиваясь к докладам бояр о государственных делах? Для того ли не отходила в последние минуты от его изголовья? Не из тех натур была Софья, чтобы останавливаться перед решительными мерами. Волнения стрельцов прямо подсовывали ей в руки оружие, и она, не колеблясь, схватилась за него.

Князь В. В. Голицын

Правление государством попало в достойные, надежные руки. Вторая Пульхерия и Екатерина Медичи, царевна Софья лишней раз показала, что государством могут править не одни только мужчины. Ее септенат если не открыл новую страницу русской истории,

то значительно раздвинул прежние горизонты. Свою власть царевна поделила со своим любимцем, кн. Василием Васильевичем Голицыным, самый выбор которого в фавориты свидетельствует о ее незаурядных духовных потребностях. В то время как сестры: одна, Екатерина, сошлась с костромским попом, а другая, Марфа, с каким-то дьяконом Иваном Гавриловичем, выбор Софьи пал на человека, духовно стоящего много выше толпы. Перед смертью царя Федора (когда, вероятно, началась связь) Софья не была уже девочкой, а Голицын, на 14 лет старше ее, тем более не был уже первой молодости. Можно поэтому положительно утверждать, что он привлек ее не внешностью, а той разносторонностью образования, той культурностью, какие выделяли его среди других мужчин ее круга. Это был, может быть, самый передовой человек в тогдашнем русском обществе, знавший языки — он свободно изъяснялся по-латыни и по-польски, — умевший ценить умную, дельную беседу, всегда готовый использовать возможность расширить свой умственный горизонт. В голове Голицына роились гуманные планы освобождения крестьян; он умело провел назревший закон об уничтожении местничества, а несколькими годами позже, может быть еще с большим тактом и пониманием дела, использовал тогдашнее международное положение России, заключив выгодный для нее Вечный мир с Польшей. Про Голицына можно сказать: это был настоящий «европеец» в лучшем смысле этого слова; без отречения от национальных форм и заветов, унаследованных от родного прошлого, он охотно переснимал с Запада его культуру и широко раскрывал перед ней дверь.

Его обширный дом в Москве поражал глаз иностранца своим убранством на широкую ногу; заезжие гости считали голицынский дом одним из наиболее блестящих в Европе: в больших залах простенки между окнами заставлены были большими зеркалами; по стенам висели картины, портреты русских и иностранных государей, немецкие географические карты в золоченых рамах; множество часов и термометров художественной работы довершали убранство комнат. У Голицына была значительная и разнообразная библиотека из рукописных книг на русском, польском и немецком языках. Дом Голицына был местом встреч для образованных иностранцев, попавших в Москву, и в гостеприимстве своем хозяин шел дальше других московских любителей иноземного: двери его дома были открыты даже для иезуитов, чего те не могли бы ожидать для себя в других домах.

Голицын выдвинулся еще при царе Федоре как председатель комиссии, занимавшейся преобразованием военного строя и постановившей отмену местничества. В связи с реформой военной Голицын думал освободить крестьян, предоставить им, за ежегодную подать в казну, те земли, которые они обрабатывали. Он постоянно ставил боярам на вид необходимость учить своих детей, выхлопотал разрешение посылать их в польские школы, советовал приглашать польских гувернеров для их образования, советовал дворянству ездить за границу для обучения там военному искусству. Замыслы Голицына, говорит русский историк (Ключевский), показывают, что в основании их лежал широкий и, по-видимому, довольно обдуманый план реформ, касавшийся не только административного и законодательного порядка, но и сословного устройства государства и даже народного просвещения; но короткий срок, каким Голицын пользовался властью, помешал ему сделать что-либо прочное и устойчивое.

Зато во внешней политике царевна Софья и князь Голицын достигли результатов гораздо более ярких и осязательных. Они прекрасно использовали международное положение тогдашней Европы и сумели мирным путем приобрести много такого, чего прежним русским государям не удавалось даже и с оружием в руках.

Вечный мир с Польшей

В ту пору агрессивная политика турок снова приняла опасные размеры. Завоевание острова Кандии (1669), захват Западной Малороссии, появление мусульманских знамен

под стенами Вены (1683) исполошили одинаково Венецианскую республику, **Германию** и Польшу. При деятельном участии Святого престола, не без основания видевшего в продвижении турок вглубь Европы угрозу христианскому миру, эти три государства заключили между собой союз, т. н. антиоттоманскую лигу. Но в этой лиге недоставало еще одного партнера, и польский король **Ян Собеский**, наследственные владения которого в Трансильвании особенно терпели от турок, взял на себя нелегкую задачу привлечь к общему делу также и московских царей. Участие России было необходимо и важно, главным образом, тем, что она могла отвлечь крымских татар от главного театра войны, лишить Турцию их содействия и позволить полякам сосредоточить все свои силы против султана.

Таким образом, Москва оказалась в выгодном положении стороны, в которой нуждались и у которой поэтому заискивали. Софья охотно пошла навстречу польскому предложению, но поставила свои условия: закрепление прежних условий Андрусовского договора 1667 г., окончательный переход к России такого важного в политическом, в военном, религиозном и национальном отношении города, как Киев, т. е. закрепление за Россией *de jure* того, что *de facto* уже находилось в ее руках; и, наконец, обязательство предоставить православному населению в Речи Посполитой полную свободу в исповедании своей веры и не допускать со стороны римско-католиков и униатов притеснений его (Московский договор 21 апреля 1686 г.).

Важное значение последнего пункта договора выяснилось не сразу, а постепенно. Верховным главой православного духовенства и всей православной паствы в Польше остался киевский митрополит, подчиненный патриарху Константинопольскому. Но уже в следующем, 1687 г., он вышел из его юрисдикции и стал под начало патриарха Московского, что неизбежно превратило его в политическое орудие русского правительства, открывая последнему возможность неоднократно потом, на законном основании, вмешиваться во внутренние дела Польши.

Этот пункт московского договора наносил тяжкий удар политической самостоятельности Речи Посполитой: с этой поры, можно сказать, начался новый, последний период истории Польши — период ее политического упадка. Недаром Ян Собеский, принося клятву в соблюдении договора, говорят, не мог удержаться от слез. Времена **Стефана Батория** прошли безвозвратно. Сто лет, отделявшие Вечный мир 1686 г. от перемирия **в Запольском Яме** 1582 г., не прошли для России бесследно. Работа последующих поколений по выполнению завета Ивана III — собирание «отчины» Владимира Великого — была теперь в значительной мере облегчена и обеспечена.

Крымские походы

Во исполнение принятых обязательств, русские войска под предводительством кн. В. В. Голицына дважды ходили на Крым (1687, 1689), но с ничтожным успехом военным: опытный дипломат, князь Голицын не обладал талантами полководца; да и самая задача, поставленная ему — покорить или, по крайней мере, разорить Крым, — была, в тогдашних условиях, вообще не по силам Русскому государству: обширные, незаселенные степи отделяли Россию от Крыма; армия должна была тащить за собой громоздкие, малоподвижные обозы; вообще организация тыла натывалась на всевозможного рода затруднения. Русские войска дошли до Перекопа, узкого перешейка, соединяющего полуостров с материком, но вторгнуться в самый Крым были не в силах. Во всяком случае, оба эти похода помешали крымцам действовать заодно с турками, и в этом отношении содействие Польше, хотя и в слабой степени, оказали.

Непрочность положения царевны Софьи

Захват власти, успехи во внешней политике прочным положением Софьи, однако, не сделали; наоборот, с каждым годом почва все заметнее и заметнее ускользала из-под ее ног. Торжество Милославских в мае 1682 г. удесятерило вражду двух партий, и чем затаеннее была она у Нарышкиных, тем охотнее питали они злобное чувство и надежду на отмщение. Надежды же эти отнюдь не были беспочвенны: ведь вся власть Софьи опиралась на одно малолетство царей, а этому, рано или поздно, должен был наступить конец тем более решительный, что умственное убожество Ивана делало младшего брата, Петра, в момент совершеннолетия царем фактически самодержавным. Наступит этот момент, и Софья, бесправная сама по себе, даже и руками старшего брата не в силах будет бороться с младшим. А Петр, как нарочно, рос и развивался, что называется, не по дням, а по часам. Едва успела Софья вкусить сладость власти, как ей пришлось серьезно задуматься над будущим. Ведь чем ближе совершеннолетие Петра, тем неизбежнее вопрос о том, кому править, тем неизбежнее расплата за прошлое.

Замыслы Софьи

Положение Софьи, замечает другой историк (Соловьев), походило на положение людей в легендах, которые заключили договор со злым духом: до известного времени в их пользовании все блага и наслаждения жизни; но минет срок, и они становятся достоянием зла. И вот, чтоб освободиться от его когтей, Софья принимает энергичные меры: импонируя дипломатическим успехом в переговорах с Польшей, она, со времени договора 1686 г., приказывает титуловать себя в официальных бумагах с а м о д е р ж и ц е й наряду с другими двумя самодержцами, Иваном и Петром, — этим Софья заявляла, что она не только п р а в и т государством, но и с о ц а р с т в у е т совместно с братьями. Еще раньше, раз или два, она приняла иностранных послов в торжественной аудиенции; теперь эти приемы стали обычными, причем на голове ее блеснула специально для таких случаев приготовленная корона. На монетах и медалях чеканились ее изображения; подобно государям-братьям, она стала жаловать к своей руке бояр, генералов, митрополитов; на торжественных молебнах, на многолетии имя Софьи упоминалось рядом с именами царей, тотчас после них, прежде цариц и старших царевен; именины Софьи стали справляться теперь с особым торжеством; в церкви ее, как и государей, духовенство встречало с крестом, при звоне колоколов. Во время богослужения Софья старалась выделиться от женской половины царствующего дома, становилась отдельно и даже — что являлось особенно решительным жестом — не за запонами (занавеской), а на виду толпы, рядом с царями, по левую их руку. Наконец, Софья стала участвовать вместе с братьями в крестных ходах, публично появляясь перед народом, что уже было полным нарушением обычая, недозволявшего девушке из царского рода быть на виду толпы.

Софья пошла еще дальше: она задумала короноваться, т. е. венчаться царским венцом. Этот шаг логически вытекал из предыдущих. Венчаться на царство значило не только именоваться самодержицею, но стать помазанной, стать так же, как и братья, «Божиею милостию» и так же, как и они, приобрести право на благоговейный трепет толпы, святость положения не в силу простой, физическим рождением созданной принадлежности к царскому дому, но в силу таинства, освященного церковью по божественному предначертанию. Удайся этот план, и положение Софьи окрепло бы сразу, ей нечего будет трепетать за будущее.

В целях пропаганды этой идеи, за границей, в Голландии, **заказан был портрет Софьи в короне, со скипетром и державой в руке**; венец из семи аллегорий-добродетелей окружал ее фигуру; на ободке портрета прописан был полный государственный титул царевны, с обычным перечислением земель, входящих в состав Русского царства, точь-в-точь как величались полностью братья Иван и Петр. Портрет печатался на атласе, тафте и бумаге и довольно свободно раздавался в Москве в избранных кругах. Однако, нащупав

почву среди стрельцов и не найдя желанного отклика, Софья и ее сторонники оставили мысль о короновании.

Легко себе представить, сколько пересудов, злостных разговоров и сплетен пошло по дворцу! Начались взаимные угрозы и оскорбления; появились подметные письма; втихомолку говорили о возможных насилиях; Милославские обвиняли и наговаривали на Нарышкиных; те не оставались в долгу и платили той же монетой. Уже в конце 1688 г. пронесся тревожный слух о готовящемся бунте стрельцов; струна натягивалась все сильнее и сильнее и, наконец, порвалась в ночь с 7 на 8 августа 1689 г. В эту пору царь Петр считал себе уже 17 лет.

<...> *Воспитание Петра*

Петр родился 30 мая 1672 г. Учился он без системы, школьное образование его носило характер случайности. С ранних лет он пристрастился к занятиям на воздухе, к военным играм, к работе, требовавшей физического напряжения. Окружив себя сверстниками, он забавлялся с ними игрой в солдатики, проделывал под наблюдением иностранных офицеров, бывших на русской службе, военные эволюции, став постарше, приучился владеть огнестрельным оружием. В окрестностях Москвы он построил потешную крепостцу «Прешбург» и занимался ее осадой и обороной. В 16–17 лет он уже имел в своем распоряжении два потешных полка — Преображенский и Семеновский — ядро будущей регулярной армии.

Другого рода потеху нашел себе молодой Петр в занятиях ремеслами. Он охотно работал на токарном станке, учился переплетать книги, столярничал, кузнечил, научился свободно владеть киркой, молотком и лопатой, познакомился с типографским искусством. Впоследствии Ганноверская курфюрстина Софья Шарлотта, видевшая Петра в 1697 г. в Германии, говорила, что молодой царь «знал в совершенстве 14 ремесел». Вообще навык к такого рода занятиям Петр приобрел с ранних лет, и потому неудивительно, если позже мы встретим его на корабельных верфях в Воронеже, Амстердаме или Дептфорде с топором в руках в качестве опытного и энергичного мастера.

Здорового, крепкого телосложения, рано сформировавшийся, на вид много старше своих лет, от природы живой, Петр искал, прежде всего, деятельности подвижной, физической, и все, что давало таковую, было ему по душе. Если в зрелые годы Петр никогда не проявлял склонности к мышлению отвлеченному, то тем труднее могло оно овладеть им в возрасте детском и юношеском. Впечатлительный, он живо схватывал представления реальных предметов; мысля преимущественно образами, он и самим образом спешил дать конкретную оболочку, доступную ощущению.

Заинтересовавшись случайно виденной астролябией, он начал, чтобы разобраться в ее тайнах, учиться под руководством иноземного мастера Франца Тиммермана арифметике и геометрии; ведя осаду своего «Прешбурга», стал учиться фортификации, а найдя забытый в амбарах английский бот, который — о, чудо! — мог ходить по воде на парусах «не только по ветру, но даже против ветра», он немедленно, пользуясь указаниями другого иноземца, Карштен Бранта, спустил его на воду и, не довольствуясь простой маленькой лодочкой, стал строить большие корабли на Переяславском озере, в 60 верстах к северу от Москвы. Так зародилась в Петре страсть к воде, к морскому делу с тем, чтобы никогда больше не замирать. Такова, в общих чертах, была образовательная школа, пройденная Петром в молодые годы; столь же мало обычно сложилась и школа жизни. По смерти отца Петр остался трехлетним ребенком и с воцарением старшего брата Федора оказался в положении чуть не опального. Едва воцарившись, Петру пришлось пережить все ужасы стрельцкого бунта. Кровавые майские дни 1682 года оставили по себе неизгладимый след во впечатлительной душе 10-летнего мальчика. Петр видел перед собой на Красном Крыльце остервенелые лица бунтовщиков; видел, как бросили вниз на

копья князя Долгорукого, оторвали от его детских рук ухватившегося за него его дядьку, боярина Матвеева, и покончили с ним столь же ужасным образом; на его глазах толпа потом, через два дня, набросилась на его дядю, Ивана Нарышкина, повалила наземь, стащила вниз по лестнице, чтобы потом прикончить, разорвав на части.

В течение трех дней толпа бегала по дворцу, шарила по комнатам и чуланам, перерыла все кровати и постели, чтоб убедиться, не спрятали ли кого в мягких перинах, осквернили самые церкви, тыкая копьями под престолом в алтаре... Общую картину разгула Петр, конечно, не видел и мог составить оней понятие лишь по отголоскам, по пересказам, но ведь и того, чего он насмотрелся собственными глазами, было более чем достаточно, чтобы глубоко всколебать молодую душу. Он видел всеобщий переполох, искаженные ужасом и злобой лица, панику, охватившую близких ему существ. Недаром впоследствии, в течение всей жизни, в моменты особенно сильного раздражения у него тряслась голова и судорожно подергивались плечи. Образ стрельцов неизгладимыми чертами врезался в его память и навсегда нарушил душевное равновесие. Между тем те же стрельцы заставят его еще не раз пережить не одну горькую минуту!

Бунт прекратился, началось семилетнее правление старшей сестры, и Петр, хотя и царь, опять оказался не то удален, не то на втором плане, опять перед его глазами печальная мать и вечные жалобы, вечные толки о том, что власть похищена и делается Бог знает что в государстве. В своем кругу Нарышкины не стеснялись, открыто говорили, что угнетало и давило их сердца, и мальчик уже теперь бессознательно привыкал соединять с известными именами чувство нерасположения и недоверия. Дети чутки вообще, а ум Петра был такой живой, такой наблюдательный.

А годы шли, и чем решительнее становились поступки Софьи, чем убедительнее свидетельствовали они о ее намерении юридически закрепить за собой власть, фактически уже находившуюся в ее руках, тем решительнее должны были Нарышкины готовиться к генеральному сражению. А силы их росли. Уже с конца 1687 г. Софья вынуждена была волей-неволей допустить доклады 15-летнему мальчику о наиболее важных государственных делах. Петру не исполнилось еще и 17 лет, как мать поспешила женить его на Евдокии Лопухиной, дочери простого дворянина; Софья женила и царя Ивана — это было своего рода соревнование: кто обзаведется собственным потомством и прочнее закрепит свои права на престол.

Вообще чем более подрастал Петр, тем насыщеннее злобой и тревогой становилась окружающая его атмосфера. Толкам один другого тревожнее не было конца. Готовы были придрасться ко всякому, даже нелепому слуху, если его выгодно было перетолковать во вред противнику. Раздраженное сердце охотно верило всякому вымыслу, и скоро в сознании враждующих партий правда настолько перемешалась с ложью, а факт с вымыслом, что выделить одно из другого становилось почти невозможным, тем более что и не хотели выделять. Нашлось довольно лиц, которым было выгодно поддерживать такую смуту в умах.

На половине царицы Натальи Кирилловны насчитывали целый короб обвинений против Софьи и ее сторонников, и прежде всего намерение убить младшего царя и его мать, извести весь нарышкинский род. А со стороны царевны Софьи, в свою очередь, утверждали, что двое Нарышкиных ломались в комнаты царя Ивана, изломали его царский венец, что третий Нарышкин бросал в царевну поленьями, что по приказу Петра его родня закидала дровами двери комнаты старшего брата.

О фактах(?) этого рода историк знает лишь из следственного дела, которое велось пристрастно, беспокойно. Он не может, безусловно, доверять всем показаниям, но не смеет и отвергнуть их огулом. Некоторые показания настолько характерны по своим деталям, что было бы трудно допустить, будто обвиняемый выдумывал их в минуту истязаний, а следователь заранее наметил программу соответственных вопросов. Следовательно, конечно, шел ощупью, но он, прежде всего, искал категорического ответа на то, что сам предчувствовал, допускал, о чем сам догадывался. Вот почему если не факты, то

толки о таких фактах, о злостных намерениях Софьи непременно существовали, разглашались раньше, тем более, что, повторяем, охотников и охотниц переносить чужую болтовню было не занимать стать.

В результате — страшное напряжение нервов у тех и у других. Легко веришь, что стоило прийти царевне с половины мачехи расстроенной, особенно если еще и постельницы, тогдашние камер-фрау и фрейлины, нашушуют чего-нибудь неприятного, то двор Софьи охватывало «великое мнение и опасение, и ожидание всякой беды». Мерещилось появление потешных, чернослободцев и иноземцев. Даже и полкам стрельцов не всем доверяли. Повторяем, историку, может быть, никогда не удастся выяснить, насколько основательны были все эти страхи и опасения, но к правильному пониманию истинного положения дел мы приблизимся уже и в том случае, если будем помнить, что эти страхи приобрели реальное значение и служили исходной точкой действий. Обе стороны не доверяли, боялись одна другой; обе стороны ожидали нападения из-за угла, и каждая, боясь сделать решительный шаг, в то же время ежедневно, ежечасно думала про себя: вот-вот сейчас настанет минута решительного столкновения.

И эта минута настала — 8 июля 1689 г.

<...> Рассчитывая на личные объяснения с братом и его окружением, поехала было и Софья, но ее не допустили до Троицы и вернули с полдороги. Когда же на сторону Петра перешли, по вызову, и иноземные полки, то Софья поняла, что песня ее спета. Одну минуту она, было, заколебалась, выдавать ли Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа, но это была уже последняя бесполезная судорога сопротивления. Последний час царевны пробил, когда к Петру явился с повинной ее любимец, князь Василий Голицын.

Суд над «преступниками» начался в тот же день. Его решение, скорее и далеко не беспристрастное, можно было предвидеть заранее. Шакловитый сложил свою голову на плаху; кн. В. В. Голицын сослан с семьей в Яренск, а позже в еще более дальний Пустозерск, и там, в ледяных пустынях негостеприимного севера, должен был свыше 20 лет искупать свою «измену». Лишь родство и заступничество с Борисом Голицыным спасло Оберегателю его голову. Зато никто не заступался за Софью, и честолюбивые мечты своей пылкой, богато одаренной натуры ей суждено было навек схоронить под мрачными сводами монастырской кельи Новодевичьего монастыря. Трагедия подошла к концу, а с ней закрылась целая страница в жизни царской семьи; теперь открывалась новая. Она была новой и для всей России.

Характеристика царевны Софьи

Характерной чертой в русской женщине Древней Руси, при всем величии и большой ценности ее душевных качеств, выступает начало пассивное, недеятельное: покорность долгу, безропотность страдания, восприятие уклада жизни, установленного другими, не ею; начало же активное, творческое почти отсутствует в ней. Заботливая семьянинка, верная жена; сердце, отзывчивое на чужое горе; иночество как выражение «честного вдовства» для потерявших мужа, и как идеал «постничества» для женщины вообще, и девушки и замужней; изредка религиозный экстаз с его логическим для того времени последствием — тем же монашеским клобуком — вот наиболее характерные черты русской женщины допетровского времени. Если не постриг, не клобук, то это Ярославна, что «рано кличет на Путивле, на стене», или бедная полоняночка в татарских руках, что слезно горюет о родном утраченном гнезде. Некоторым отклонением от этого типа явится разве лишь «матерая вдова», не растерявшаяся после смерти мужа, сумевшая и детей поднять на ноги, и деловито, толково продолжать доставшееся ее попечению заведенное хозяйственное дело, — матерая вдова, образ которой, в большом даже масштабе, нам дан новгородской Марфой-Посадницей.

Вообще же женщины с личным почином, женщины с самостоятельной волей Древняя Русь почти не ведала, и если на заре нашей истории выступает дивный облик киевской княгини Ольги, воплощение мужественной силы, энергии и решимости, то кто знает, насколько реален в действительности этот суровый образ женщины, с такой изощренной жестокостью мстившей за смерть своего мужа? Не лежит ли на этом образе густая тень летописной легенды? Не наложил ли на него в наше время еще и от себя, своих красок — чудных, прекрасных, незабываемых — **большой русский художник**, так ярко и убедительно изобразивший нам в киевском соборе св. Владимира Ольгу, полную огня, сознания и пламенной веры — той веры, что, казалось, всю сожгла ее, вчерашнюю язычницу, вчера еще не знавшую истинного Бога, а теперь готовую так же пламенно и беззаветно служить Ему, как раньше служила богу языческому?..

С той поры понадобилась уйма лет, целых семь веков, чтобы на пороге старой и новой России русская жизнь создала и оставила, во всей его неувядаемой прелести, образ женщины, на этот раз отнюдь не легендарной, но вполне реальной и тоже полной энергии, силы воли и, вдобавок, еще ума, широких полетов. Наши историки и поныне не могут окончательно сговориться о царевне Софье; испытав на себе все невзгоды судьбы, незаслуженно отодвинутая в историческую тень, она обычно слышит одно безжалостное **vaevictis**, хотя сама имела бы право бросить в ответ: **frangor, nonflector** — люди могут сломить меня, но согнуть — никогда!

Прежде всего, Софья не одно бытовое явление: на ней лежат яркие черты индивидуальности. Недаром ее септеннат настолько заслонило царствование Петра, что и до сей поры обыватель, не особенно-то привыкший разбираться в тонкостях исторической хронологии, и даже некоторые авторы печатных книжек готовы начало петровского царствования относить на семь лет позже действительного.

25 лет терема, 7 лет управления царством, наконец, 15 лет заточения в монастырской келье, из них без малого шесть в насильственном постриге — вот вкратце биография царевны Софьи. Терем, кормило правления и монастырь — это три последовательных этапа в ее жизни, три основные линии поведения. В тереме царевна жадно стремится заглянуть в потусторонний мир, что лежит за теремной оградой, чутко прислушивается к тому, что творится на Божьем свете; овладев властью, она цепко и нервно впиивается в нее, не выпускает из рук, пока хватает на то сил; в монастыре ей один удел: бессильная злоба и бесплодные воспоминания о безнадежно, безвозвратно утраченном прошлом.

Первый выход русской женщины в Московском государстве на общественное и политическое поприще, как видим, оказался неудачным. Но ведь без первого шага нельзя сделать второго, третьего. Без Софьи не было бы Екатерины II и **княгини Дашковой**; без нее мы не знали бы **ни Федотовой, ни Ермоловой**, наилучшего украшения русского театра; **ни Суловой**, первой женщины-врача; **ни Софьи Ковалевской**, математика; ни культурных салонов **Авдотьи Петровны Елагиной** или великой княгини **Елены Павловны**; без царевны Софьи и Тургенев не дал бы нам ни **Аси, ни Елены, ни Марианны**. Конечно, не будь Софьи, рано или поздно, кто-нибудь иной сделал бы этот необходимый шаг, но его сделала именно Софья, никто другой — и вот почему русской женщине XX в. надлежит с благодарностью вспомнить о ней. Царевна Софья первая пробилла брешь в той стене, за которой, замурованные, сидели наши прабабушки; она первая вывела их из терема, указав путь, идя по которому русская женщина стала теперь, по широте и глубине своего образования, по интенсивности своих духовных стремлений, одной из первых женщин мира. Женский вопрос в России, можно сказать, начинается с царевны Софьи. Не представляя никакого знамени, не афишируя никаких принципов, она личным примером выдвинула право женщины на личную свободу, независимое положение в обществе, на духовное равенство с мужчиной. И потому в истории русской культуры царевна Софья завоевала себе неоспоримое право на почетное место и благодарную память.

<...>Царевна Софья сошла со сцены, оставив своему преемнику ценное наследство — Вечный мир с Польшей. Этим миром заканчивался допетровский период внешней политики России<...>